

А. Согомонов

О языках гражданского общества

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sogomonov_Tetr_51.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

*Александр Согомов,
академический директор,
Центр социологического
и политологического
образования РАН*

О языках гражданского общества

На мой взгляд, все, о чем говорил Борис Дубин и участники предшествующей дискуссии, подводит нас к ответу на главный вопрос: почему в России слабое гражданское общество? И ответ на него, казалось бы, очевиден: потому что в стране долгое время отсутствовала практика гражданской жизни, которая могла бы пробуждать интерес к интеллектуальным дискуссиям. И отсюда наша слабая включенность в смысловые контексты универсальной истории гражданского общества.

Именно в контекст**Ы**, поскольку мы обсуждаем проблемы языка. Поэтому дальше, конкретизируя общий ответ, я буду говорить о том, насколько развитость гражданской лексики, а точнее, **языков** гражданского общества, реально влияет на гражданскую жизнь. Имея в виду при этом существование разных, хоть и взаимно переплетающихся, но достаточно автономных лингвистических традиций. Ибо дело не только в том, что, появившись в ареале западной цивилизации, гражданское общество развивалось исторически, а вслед за практикой гражданской жизни меняется и поныне, но и в том, что западная интеллектуальная мысль сформировала разные, повторяю, лингвистические традиции толкования как самого феномена «гражданское общество», так и его базовых категорий.

Справедливости ради замечу, что «игра» в гражданские слова не прекращалась и в советское время, однако, оторванность этих слов от жизни референтов была столь существенной, что неизбежно деформировала сознание советских людей и саму реальность. Поэтому не случайно, когда мы испытываем сегодня в них жизненную потребность, а бюрократия по-прежнему сопротивляется развитию независимого гражданского сектора (не понимая его предназна-

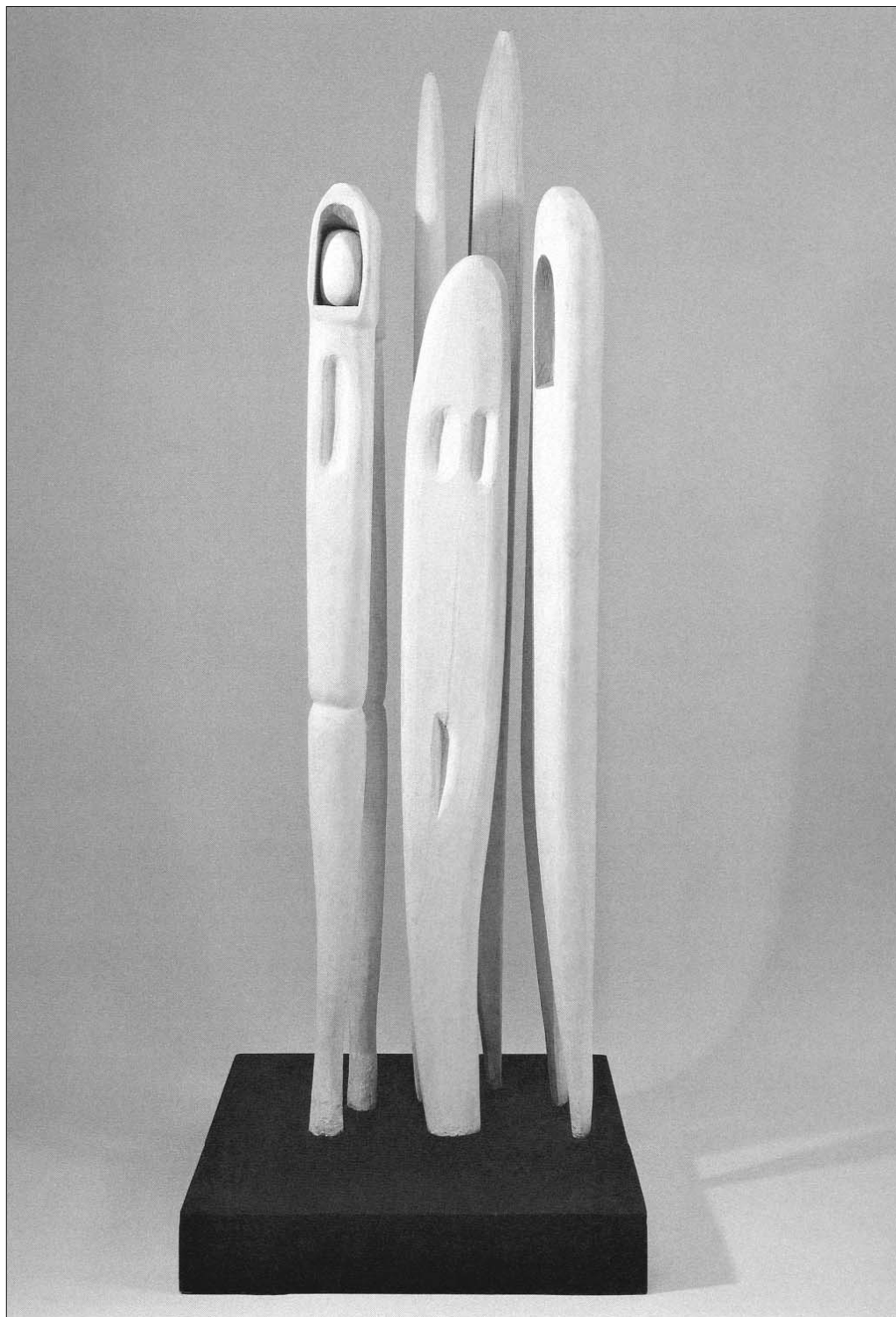
чения), мы обнаруживаем, что гражданское общество и его языковое сопровождение суть неразлучны, хотя эта неразлучность проявляется по-разному.

Поэтому имеет смысл, я считаю, обратиться к традициям истолкования и языкового выражения гражданского общества. Не проводя между ними жесткого водораздела, попытаюсь различить четыре традиции.

Первая традиция. Безусловно, она вызрела и сформировалась в канун Нового времени, но наиболее ясно была выражена Джоном Локком во второй половине XVII века. Не просто английским философом, а протестантом Локком, который, будучи одним из основоположников либерализма, в преддверии эпохи Просвещения предложил фактически первую трактовку гражданского общества. В своих трактатах и письмах о правительстве, толерантности, веротерпимости, образовании и воспитании, соединив воедино рассудок и терпимость, Локк последовательно развел политическое сообщество и гражданское. Последнее у него представляло собой свободное объединение людей, конституированное на четырех базовых ценностях — жизнь, здоровье, свобода и собственность (life, health, liberty, possession). Гражданское общество, по Локку, это экстраполитическая общность людей, которая сущностно ориентирована на жизненные смыслы. Общество понимает и осмысливает себя через такие гражданские символы и значения, как доверие, солидарность, свобода и ответственность, автономность и взаимозависимость и т.д. Локковская языковая традиция не просто легла в основу современного либерализма, но и вдохнула в гражданскую жизнь фунда-

ментальные смыслы. Дух американской Конституции проникнут именно этим локковским «открытием». Один из фундаментальных конституционных принципов США, провозглашающий право каждого американца на счастье, лишь развитие этой языковой традиции. Мне бы не хотелось именовать ее сугубо протестантской, но религиозные корни здесь весьма отчетливо просматриваются. Итак, согласно первой традиции, гражданское общество обособлено от политики, основано на своих аутентичных ценностях и приоритетах; его миссия — гарантировать обществу право на жизнь и свободу, а человеку — право на счастье.

Католическая реакция на «протестантскую» языковую версию гражданского общества не заставила себя долго ждать. Уже в начале XVIII века во Франции иезуит Клод Бюффье (последовательный сторонник Локка) издает трактат, в заглавие которого впервые вынесено понятие «гражданское общество» (*Traité de la société civile*, 1726). Для Бюффье гражданское общество — центральная категория этики, поскольку она обеспечивает утилитарное обоснование ее основ через взаимный долг, справедливость, сопереживание, благотворительность и т.д. Обрамляя рациональную этику религиозной верой, Бюффье, по сути, создает **вторую языковую традицию** гражданского общества. Согласно ей, гражданское общество — это особая рациональная мораль современного ему общества, которая не просто не чурается христианства, а, напротив, опирается на его постулаты. Французские энциклопедисты, объединенные Дидро и Д'Аламбером, несмотря на известный скепсис в отношении религии, поленились даже переработать Бюффье — они его просто переписывали целыми стра-

Луиза Буржуа. Гора Quarantania. 1941

ницами и включали в разные статьи Энциклопедии, особенно это заметно по тексту об обществе. Иными словами, вторая традиция примирила языки веры и рационализма, обозначив сам этот миротворческий союз термином «гражданское общество».

Следом, совсем с небольшим хронологическим отрывом, деист Шарль Монтескье основывает **третью языковую традицию** гражданского общества, обосновав его «истинную» политическую миссию. Для Монтескье чрезвычайное значение имеет фрагментация поля власти, и поэтому он придает гражданскому обществу институциональную окраску. Его язык — совершенно отличен от языка предшественников. Гражданское общество, по Монтескье, это совокупность действующих коллективных субъектов: свободных ассоциаций, объединений и союзов свободных людей. Его главная миссия — ликвидировать любые риски, связанные с возможностью монополизации власти, как со стороны государства, так и со стороны отдельной личности. Гражданское общество в этой логике выступает фундаментом плюрализма власти. Оно мыслится и проговаривается категориями коллективного действия, продвигающего интересы групп и защищающего права людей. Само собой разумеется, что в канун Революции такая языковая версия получила быстрое распространение, завоевав заслуженную популярность. И уже в XIX веке Гегель и Токвилль, а вслед за ними и вся остальная материковая Европа, рассуждали преимущественно в этом ключе. На языке авторов Энциклопедии.

Эту традицию подхватывает атеист Маркс, но совершает при этом кардинальный разворот в целеполагании гражданского общества. Маркс впервые

полностью выводит гражданское общество из орбиты государства и, даже более того, переориентирует его против государства. Его лексика — политический активизм, а миссия — оппонирование государству. Последовательнее всех эту **четвертую языковую традицию** сформулировал уже в начале XX столетия А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах». Из этой традиции вырастает и европейский коммунизм, и анархизм, и даже умеренный антилиберализм. Замечу при этом, что если у Монтескье политические партии — часть гражданского общества, то у Маркса и Грамши — ни при каких обстоятельствах, ибо оно состоит из активистов, НПОшников, НКОшников, как мы сказали бы сегодня, да и просто неравнодушных и критически настроенных к официальной власти граждан.

С того времени европейская мысль почти не продвинулась принципиально в направлении новых трактовок гражданского общества. На какое-то время интерес к проблематике и вовсе угас, но накануне и особенно после распада Советского Союза мир оказался в ситуации непредсказуемо стремительных перемен. В орбиту истории, если можно так выразиться, стало включаться все большее число стран, что вновь привело к всплеску интереса к этой теме. Впрочем, в странах молодой демократии публичная дискуссия так и не стала опираться одновременно на четыре языковые традиции (или, для устойчивости, хотя бы на три). Дискуссия чаще всего вообще не удается, поскольку участники «общественного диалога» говорят каждый на своем языке, не понимая и не принимая Другого. И даже если принять гипотезу о вариативности гражданской жизни в разных «культурных зонах мира» (Э. Геллнер), придется кон-

статировать, что совместимость языков гражданского общества маловероятна. Их нельзя искусственно синтезировать, как и нельзя «перевести» на национальный язык без глубинного проживания и осмысления.

Сформулирую в этой связи четыре лингвистические дилеммы гражданского общества.

Первая — дилемма естественности языков гражданского общества. Известно — об этом много написано, — какое значение имеют исторические традиции в формировании разных гражданских культур, как и то, что национальные языки в Новое время буквально везде были сформированы искусственно, точнее — как властный продукт. Как, впрочем, и обозначенные выше четыре лингвистические традиции тоже представляют собой конструктивистские объекты, как об этом сказал Дмитрий Горин. И в протестантской, и католической, и деистической и уж тем более в марксистской версии мы сталкиваемся с конструктивистским языком, то есть языком, который искусственно создается, категориальный аппарат которого тщательно выверен, взвешен и навязан. В этом смысле, казалось бы, любой национальной культуре вполне можно сделать языковую «прививку». Мировой опыт распространения марксистского языка по всей планете лишь подтверждает это предположение, и нам в России хорошо известны исторические последствия этой «прививки». Так что сомнение по этому поводу остается и относится к любому из языков гражданского общества: однозначно и тем более легко инсталлировать их в национальную культуру молодых демократий пока удается лишь с большим трудом (если вообще удается), да и то в редких

случаях. Пожалуй, мы не знаем ответа на главный вопрос, проистекающий из этой дилеммы. Что ближе, скажем, для русской культуры: активистский или солидаристический язык гражданственности, а еще шире — язык сплочения или гражданского оппонирования? На этот вопрос нет ни ответа, ни общего понимания, хотя, конечно, можно сказать — ближе и то, и другое (или: ни то, ни другое!).

Вторая дилемма касается переводимости языков гражданского общества. Если даже предположить, что само гражданское общество является универсальным феноменом современного общества, в чем могут быть сомнения, то насколько просто словарь гражданского общества из ареала развитой и продвинутой гражданской жизни переводится на иные национальные языки, где отсутствуют вышеназванные традиции. Анализ ситуации, в частности, в современных арабских странах показывает, что эта проблема возникает уже на старте. Сам предикат «гражданский» не так просто перевести на арабский язык, чтобы не потерять его значение. В разных контекстах используются разные понятия, поскольку базовое слово «al-mujtama» архаического происхождения (место и время сбора членов общины). Поэтому в современных арабских культурах из гражданской сферы исключены фундаментальные для западного понимания смыслы — локковская взаимответственность, грамшианский активизм и волонтерство, не говоря уж о свободе, легальности, прозрачности и независимости. Не ведомо им и гегелевское понимание гражданского общества как посредника между государством и личностью. Как результат, гражданское общество «допущено» в арабских странах лишь к благотворительности, а если ему

удается за столбить еще и правозащитные функции, то это можно считать большой победой.

Как, впрочем, и у нас столь же архаично мыслят о гражданской жизни и власти, и общество: взаимопомощь и взаимовыручка «работают» на уровне обмена материальными благами, но не на уровне свободы идей и ценностей. Об этом свидетельствует «язык начальников», которые рапортуют о создании новых независимых организаций потребителей, филателистов, но даже за-

конодательно не готовы изменить среду благотворительной деятельности. Досовременные смыслы общинности не переносятся автоматически в современную национальную культуру — это разные по сути своей феномены.

Третья дилемма — адресность языка. Рассуждая по-современному, зададимся вопросом: на какую целевую аудиторию мы рассчитываем, когда конструируем тот иной лингвистический продукт. Пока нам удалось неплохо продвинуться в сторону создания более или менее адекватного академического языка гражданского общества, но он совершенно не работает на обиходном уровне, я уж не говорю о его привлекательности для молодежи, интернет-сетей и т.д. Язык может быть вполне корректным и при этом — повседневным и эмоциональным, но в сухом остатке повествования не должны раствориться смыслы четырех языковых традиций. В противном случае, под гражданином мы будем понимать, прежде всего, просто «взрослого человека» (С.И. Ожегов).

О четвертой дилемме лишь упомяну, она о возможности полисемантизма языка гражданского общества, когда все четы-

ре версии растворяются в некоем лингвистическом синтезе. Я не настаиваю на обязательной религиозной составляющей языков гражданского общества, но и вычеркнуть религию механически означало бы утрату фундаментального обоснования важности гражданской

Главная миссия гражданского общества – ликвидировать риски, связанные с возможностью монополизации власти, как со стороны государства, так и со стороны отдельной личности

жизни (что, собственно, и произошло в Советском Союзе). Вопрос, следовательно, заключается в том, на какой все же основе осуществлять синтез: на базе литературного национального языка или одной из лингвистических версий гражданского общества?

На мой взгляд, как бы ни разрешались эти четыре дилеммы, в любом случае перед нами встает конкретная проблема какого-то отбора из предложенного для обсуждения списка терминов и понятий Гражданской энциклопедии. Если мы выбираем стратегию на создание теоретического «словника», то наша задача в акцентировании универсалий — понятий, общих для всех гражданских культур, взаимопереводимых и прозрачных по смыслам и значениям. Если же выбираем стратегию на составление «компендиума» гражданской жизни, то это другая задача — выявление и прописывание отдельных «кейсов», успешных и иллюстративных примеров гражданственности.

Но я бы не противопоставлял при этом одну стратегию другой. Диалог субъектов гражданского общества, безуслов-

но, нуждается в общем языке, основанном на словнике. Рефлексия же гражданской жизни предполагает наличие общезначимых образцов и казусов. И в этом смысле Гражданская энциклопедия до известной степени способна примирить обе стратегии. В ней — «под одной обложкой» — вполне могут ужиться (1) «академики», рассуждающие об общих понятиях, истории и теории гражданского общества; (2) эксперты в области социальной взаимответственности и благотворительности; (3) действующие НПОшники, повествующие о своем опыте активизма и волонтерства; (4) местные и региональные политики и общественные деятели, выстраивающие новые практики самоуправления; и, разумеется, (5) правозащитники и прочие легисты, пристально следящие за прозрачностью власти. Отделить одних субъектов гражданского общества от других, пренебречь кем-то и сконцентрировать внимание на чем-то одном — любые подобные попытки односторонней энциклопедизации гражданской жизни наверняка приведут нас к опасному упрощению предмета. Нам придется жить и работать в абсолютно запутанном полилоге субъектов гражданского общества. Другого пути у нас нет.

Елена Немировская:

— У меня вопрос. Когда ты говорил о второй дилемме и ссылался на арабскую культуру, ты сказал, что английское определение «гражданский» не поддается переводу на арабский язык, а в русской культуре, я имею в виду православную традицию?

Александр Согомонов:

— Отвечу, просто потому, что про современную арабскую культуру много

литературы. И среди арабов много европейски просвещенных людей, в том числе эмигрантов, которые об этом пишут. Кстати, я пытался посчитать, сколько в мире издается журналов, в которых публикуются статьи о гражданском обществе. Я насчитал около полусотни, выходящих только на английском языке... А что касается нашего опыта, то он, скорее, не арабский и не европейский, не этнокультурный и не национальный. Мы же не западная страна, и не восточная, и не азиатская. Тогда какая — северная? А что это такое? У нас опыт в этом смысле действительно особенный. Идентификационная ниша, не нуждающаяся в компаративистике. Хотя, конечно, мы себя все время с кем-то сравниваем. Мы живем в постоянстве сравнения.

Самая большая проблема связана с нашим лингвистическим опытом, как можно технологически ее разрешать? Я предлагаю следовать методу транслитерации, если мы действительно ставим перед собой задачу введения русского — общегражданского и политического — языка в русло универсальной европейской традиции. Тогда одно и то же социальное явление или образование можно описывать языком обиходным и языком не обиходным, то есть гражданским. Сошлюсь на пример со «средним классом». Термин *middle class*, как правило, не переводится на другие языки, даже во Франции, где так много пуристов в области родного языка. Наверное, нет другого способа. Ибо, как только мы переводим этот термин на любой национальный язык, остается лишь смысл «срединности», присутствующий же в английском «дух» независимости и ответственности пропадает. Ибо средний класс это не просто середина между верхушкой общества и не-

ким низом, а репрезентативный тип культуры в первую очередь. Социологов ведь интересует, когда они рассуждают про средний класс, не только бедность и/или богатство. Это более глубокое по своему содержанию социальное и культурное явление, подразумевающее автономного гражданина, имеющего свою ментальность, присущий только ему образ жизни и т.д. Так что транслитерация могла бы нам помочь. Хотя есть, конечно, и другая традиция, сторонники которой настаивают, чтобы при переводе иностранной терминологии обязательно использовались русские слова. Я ничего не имею против старорежимного русского, против таких слов, как, например, «острастка» (в применении к праву — вместо «профилактики» правонарушений) и подобным им словам, но они порядком подзабыты. Язык Советского Союза был универсальным языком. Он был рожден европейской традицией, но в нем общественная лексика абсолютно не отражала реалии жизни. И нам надо вернуться именно в эту европейскую традицию. Современный русский язык без нас это совершает.

Эмиль Паин, генеральный директор Центра этнополитических исследований, профессор ГУ — Высшая школа экономики:

— Я тоже о переводимости языков, чему культуры сопротивляются. С одной стороны, у меня возникло некое ощущение неприятия. С другой стороны, сомнение: а может быть, я что-то не понял? И в этом случае мне самому нужен переводчик или толмач для разъяснения смысла некоторых положений доклада. Вот что я не принимаю из того, что понял. Не принимаю восприятия культуры как некоего жесткого

А. Согомонов: Участники «общественного диалога» говорят каждый на своем языке, не понимая и не принимая Другого

запрета. Не могу представить себе, что есть какая-то культура, которая радикально отторгает какие-то новые явления. На мой взгляд, положение о несовпадающих культурных традициях — мнимое или преувеличенное. Мы ведь знаем, что вначале ребенок говорит: «Я не мальчик, я Петя», а потом подрастает и оказывается, что эти слова вполне совместимы. Мальчик может быть Петей, и даже очень хорошо, что тебя по имени могут отличить от других мальчиков. Вот и названные четыре несовместимые якобы традиции на самом деле легко совмещаются.

Теперь, зачем нужна Энциклопедия? Я совсем недавно взял в руки одну энциклопедию. Называется она то ли энциклопедия национализма, то ли традиционализма... не помню. В ней слово «толерантность» употребляется почти как ругательство. Можете не сомневать-

ся, что большинство явлений, относящихся к сфере гражданского общества, политического плюрализма и демократии, описываются в них с тех же позиций. Но не думаю, что люди, собравшиеся в этой аудитории, с этим согласны. Значит, стоило бы противопоставить оценкам фундаменталистского характера (а объемы такой литературы растут) иное мнение. У читателей должен быть выбор. Я уверен, что они хотели бы знать и о других трактовках, не тех, какие им предлагают фундаменталисты. Так вот, Гражданская энциклопедия нужна людям с гражданским самосознанием, но с недостаточным уровнем знаний. Этот дефицит знаний и должна восполнить, отчасти, обсуждаемая энциклопедия. Борис Дубин сказал, что нам мешает власть безответственная и общество патерналистское. Если бы только это! Разговор об энциклопедии тогда вообще был бы бессмысленным. Потому что ни то, ни другое сама по себе она изменить не может. Но она может вооружить аргументами и фактами ту часть общества, которой уже тесны рамки существующих отношений. Проблема не столько в восприятии слов и отношении к ним, а в том, какая из книг, текст, общественное деяние будут сегодня более убедительными, то есть современными.

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Буквально несколько слов по поводу толерантности. Вернее, о терпимости, поскольку вместо слова «толерантность» нам настойчиво предлагают употреблять русское слово «терпимость». Понятно почему. Потому что «Бог терпел и нам велел». Хотя терпение, как известно, может быть разным. Можно терпеть невы-

носимую физическую боль, но отнюдь не нарушение закона или пренебрежение к нему. По конституции у нас есть права, и термин «толерантность» относится к гражданской жизни.

Александр Согомонов:

— Жаль, что Эмиль меня не услышал. На самом деле, я как раз и говорил о том, что игра слов очевидна и очень прозрачна. А игра субстанций непрозрачна. То есть я с тобой согласен, вернее, ты со мной согласен. Теперь о культуре.

Это давний и сложный философский спор. Культура все же — всегда запрет. Надо понимать, что появление гражданской культуры в Европе — это своего рода надстройка, делающая европейское пространство универсальным, то есть в этом смысле надкультурным. А этнокультура — это всегда табу. Поэтому разговор не об архаической культуре. Я вообще не про архаику говорю. Я говорю о несоответствии, так сказать, фасада гражданских институтов и их сущности, которое мы унаследовали из советского прошлого. Это — наша основная проблема. Все новые слова неизбежно попадают в колею истории. Мы сейчас введем термин «толерантность», но он тут же подвергнется языковой перверсии. Как это преодолеть? Одна часть экспертов предлагает: давайте будем пользоваться русскими словами. Я же считаю, что лучше нарочито идти путем транслитерации. Да, это будет вначале «чужой» язык, но он адаптируется. Это своего рода гражданское эсперанто, и к нему обращаются сегодня и китайцы, и арабы, и латиноамериканцы. В определенном смысле это, конечно, путь контркультурный.

Елена Немировская:

— Мы живем в стране, которая не про-

Ян Матулка. Композиция с фонографом. 1929

шла ни Реформацию, ни Просвещение. Но, развивая гражданское сознание, мы используем шанс включиться в европейскую традицию и стать современной страной. В этом смысле Саша прав.

Нодар Хананашвили:

— Не могу сказать, что в России не было просветительского этапа. Просвещение у нас было, но не было должным образом отрефлектировано. Теперь насчет того, что культура — это всегда запрет. Я бы сказал так: религия — это всегда запрет, система запретов. Культура шире. Любые крайности при подходе к восприятию языка опасны. Как буквальная транслитерация, так и желание на основе каких-то архаичных слов пытаться выстраивать новое смысловое пространство. Поэтому транслитерация

должна проходить через этап осмысления, коммуникацию с различными общественными группами. Теперь о том, к кому мы должны обращаться. Ясно, что это не должна быть концепция позитивного большинства — в смысле 50 плюс один голос, а это некая совокупность граждан, действия которых способны изменять реальность, влиять на нее. И последнее, о пяти группах потенциальных авторов Энциклопедии, о которых сказал Александр в конце выступления. Я тоже не вижу между ними серьезного разделения. Почему? Потому что они в значительной степени совпадают с функциями гражданского общества, о которых мы говорим, — социальное служение, продвижение гражданских инициатив, гражданский контроль, правозащитная деятельность, коммуникация между обществом